

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ
ГОСУДАРСТВО

М.А. КРАСНОВ

**Глава государства:
рецепция идеи "отцовства"*****Отец Небесный и "отцы" земные**

На протяжении всей истории у совершенно разных народов встречается слово "отец", применяемое в публичном смысле. Как в древней, так и в современной истории автократам нередко присваивают звание "отца народа" или "отца нации". Иногда это звание формализовалось: например, Светоний свидетельствует, что очередной *цезарь*, как правило, наделялся официальным титулом "отца нации". В современной истории примерами могут служить Турция (*Ататюрк*¹, то есть "отец турок") или постсоветский Туркменистан (*Туркменбаши*², хотя буквально и "глава туркмен", но имелся в виду именно "отец всех туркмен"). Иногда титул "отец народа" был лишь прозвищем популярного правителя: именно этого удостоился от народа французский король *Людовик XII* (1498–1515), проведший популярную судебную реформу и известный своим великодушием (замечу, удостоился не какого-то другого уважительного прозвища, а именно "отца"). А порой такой титул служил, хотя и неофициальным, но, по сути, обязательным обозначением вождя (хрестоматийный пример из отечественной истории: "*Сталин* – отец народа"). В более мягком варианте подобное можно отметить в современной Белоруссии, где пожизненного президента А. Лукашенко часто неофициально именуют "бабушкой".

С материалистической точки зрения корни этого явления существовали еще в первобытные времена. Так, З. Фрейд, например, писал: «Индивидуальная психология, должно быть, по меньшей мере такой же давности, как и психология массовая, ибо с самого начала существовало две психологии: одна – психология массовых индивидов, другая – психология отца, возглавителя, вождя. Отдельные индивиды массы были так же связаны, как и сегодня, отец же первобытной орды был свободен. Его интеллекту-

* Окончание. Начало см. "Общественные науки и современность". 2008. № 5.

¹ Настоящее имя этого политического деятеля, первого президента Турецкой республики – Гази Муштафа Кемаль-паша. "Титул" Ататюрк ему присвоил турецкий парламент в 1934 г.

² Настоящее имя президента Туркменистана – Сапармурат Ниязов. "Титул" Туркменбаши ему официально присвоил Межлис – законодательный орган этой страны.

альные акты были и в обособленности сильны и независимы, его воля не нуждалась в подтверждении волей других. Следовательно, мы полагаем, что его "Я" было в малой степени связано либидинозно, он не любил никого, кроме себя, а других лишь постольку, поскольку они служили его потребностям... *Вождь массы – все еще праотец, к которому все преисполнены страха*, масса все еще хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть, страстно ищет авторитета (в этой и всех последующих цитатах курсив мой. – М.К.); она, по выражению Ле Бона, жаждет подчинения. Праотец – идеал массы, который вместо "Идеала Я" владеет человеческим "Я"» [Фрейд, 1998, с. 176–177, 180].

В рамках идеалистического мировоззрения картина представляется иной. Однако спорить, находясь в разных философских системах, нет смысла: выводы не верифицируются. Но даже если принять точку зрения исторического материализма, все равно остается вопрос: в чем кроется фрейдовский "страстный поиск авторитета"? Думается, генезис социального понятия "отец" гораздо глубже. Сознвая, что авторская методология весьма уязвима для критики, тем не менее рискну высказать предположение, что отождествление как вождя, так и нередко главы государства с "отцом нации" или, по крайней мере, присвоение правителям "отцовских" функций онтологически производны от идеи *Небесного отцовства*.

Отцом первых людей был Бог, сотворивший Адама (что с древнееврейского и переводится как человек), а затем Еву. Богословские источники прямо говорят о том, что «отцы между нами да научатся памятовать, Чье великое имя они носят, равно как и сыны или все рожденные от отцев... Надобно знать, замечает св. Иоанн Дамаскин вслед за некоторыми другими учителями веры, что наименования "отчество" и "сыновство" не с нас перенесены на блаженное Божество, напротив с Божества *перенесены на нас*, как говорит Божественный Апостол; *сего ради преклоняю колена моя ко Отцу, из негоже всяко отчество на небесех и на земли именуется* (Ефес. 3, 14)» [Православно-догматическое... 1868, с. 348].

Но Творец создал людей не для того, чтобы повелевать и помыкать ими. Сотворение человека было актом именно Отцовской любви. Ради нее человек создан по образу и подобию Божию, то есть и бессмертным, и свободным. С первых и до последних страниц Библия свидетельствует о Боге не как о Хозяине, Повелителе, а именно как о любящем Отце. В конце концов, не Бог, а лишь свободный выбор первых людей, нарушивших единственный запрет, предопределил смертность человека. И если бы Создатель относился к своему главному творению как к игрушке, Он мог бы сразу умертвить непослушных и создать новых. Однако в качестве "санкции" был только изменен "код земной жизни" человечества: "Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься... И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят" (Быт. 3, 16–19, 22–23).

Но самое главное в другом. Бог не только, как и обычный отец, не отрекается от сильно огорчивших Его детей, но совершает немислимый для земных людей акт любви – во искупление Сам приносит в жертву Своего Сына, по существу Себя, ибо Сын – одна из ипостасей Бога. И делает это только ради того, чтобы восстановить изначально дарованное человеку бессмертие. Мало кто из людей обладает тем, что в психологии называется интернальным локусом контроля, то есть склонностью *на себя* принимать ответственность за события, происходящие в его жизни. Чаще всего мы приписываем ответственность внешним факторам, что свидетельствует об экстернальном

локусе (см. [Rotter, 1960, p. 23]). Поэтому даже верующие люди адресуют свои упреки за личные или общественные несчастья Богу, тем самым сознательно или невольно представляя Его равнодушным и жестоким. О том, что это совершенно не так, свидетельствует множество источников. Здесь скажу лишь об одном удивительном (если его рассматривать в юридической плоскости) феномене.

Апостол Павел говорит о том, что Христос есть «ходатай завета, который утверждён на лучших обетованиях. Ибо, если бы первый завет был без недостатка, то не было бы нужды искать места другому. Но пророк, укоряя их, говорит: *"вот, наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в то время, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, потому что они не пребыли в том завете Моим, и Я пренебрег их, говорит Господь. Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом"*» (Евр. 8, 6–10).

Таким образом, Творец "ведет Себя" совсем не как "сторона в гражданском договоре", не как "субъект, защищающий собственные интересы", которому нет дела до мотивов своего "контрагента". "Логика" тут именно Божественная: через великого вождя – Моисея с народом был заключен договор (Ветхий завет), но народ (сторона договора) не выполнил свои договорные обязательства. В юридической практике договор должен был бы быть расторгнут, а виновная сторона подвергнута санкциям. Но Господь поступил иначе. Он счел сам договор совершенным с недостатками. И, приняв ответственность на Себя, заключил с нарушившей стороной новый договор (Новый завет), не только простив неисполнение предыдущего, но и отдав Сына в залог верности Своих обязательств.

Можно приводить множество других свидетельств потрясающих свойств Небесного отцовства, но остановлюсь лишь на замечательных словах митрополита Антония (Сурожского): «...меня поразило уважение и бережное отношение Бога к человеку; если люди иногда готовы друг друга затоптать в грязь, то Бог этого никогда не делает. В рассказе, например, о блудном сыне: блудный сын признает, что он согрешил перед небом, перед отцом, что он недостойн быть его сыном, он даже готов сказать: прими меня хоть наемником (Лк. 15, 18–19). Но если вы заметили, в Евангелии отец не дает ему сказать этой последней фразы, он ему дает договорить до "я недостойн называться твоим сыном" и тут его перебивает, возвращая обратно в семью: принесите обувь, принесите кольцо, принесите одежду... Потому что недостойным сыном ты можешь быть, достойным слугой или рабом – никак, сыновство не снимается» [Антоний, 2002, с. 258].

Почему же люди отказались от великой объединительной и умиротворяющей идеи Небесного отцовства, заменив ее идеей "земного отца", олицетворяемого правителем?

Основы социальной концепции Русской православной церкви (РПЦ) так объясняют этот феномен: "При судействе – общественном строе, описанном в Книге Судей, – власть действовала не через принуждение, а силой авторитета, причем авторитет этот сообщался Божественной санкцией. Чтобы такая власть действительно осуществлялась, вера в обществе должна быть весьма сильной. При монархии власть остается богоданной, но для своей реализации использует уже не столько духовный авторитет, сколько принуждение. Переход от судейства к монархии свидетельствовал *об ослаблении веры, отчего и возникла потребность заменить Царя Незримого царем видимым*" (<http://www.patriarhia.ru/db/text/141422.html>). Посмотрим, как описывается в Библии "стадия требования перехода к монархии".

"И собрались все старейшины Израиля, и пришли к Самуилу в Раму, и сказали ему: *вот, ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими; так поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов*" (1 Цар. 8, 4–5). На это Господь ответил Самуилу: *"...послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними; как они поступали*

с того дня, в который Я вывел их из Египта, и до сего дня, оставляли Меня и служили иным богам, так поступают они с тобою; итак послушай гóлоса их; только представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними. И пересказал Самуил все слова Господа народу, просящему у него царя, и сказал: *вот какие будут права царя*, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет и приставит их к колесницам своим и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его; и поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятьниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его; и дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы; и поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет, и отдаст слугам своим; и от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евреям своим и слугам своим; и рабов ваших и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет и употребит на свои дела; от мелкого скота вашего возьмет десятую часть, и сами вы будете ему рабами; *и восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда*. Но народ не согласился послушаться гóлоса Самуила, и сказал: нет, пусть царь будет над нами, и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши. И выслушал Самуил все слова народа, и пересказал их в слух Господа. И сказал Господь Самуилу: "послушай гóлоса их и поставь им царя" (1 Цар. 8, 7–22).

Здесь стоит обратить внимание на два ключевых момента. Первый – *мирный характер изменения государственного строя*. Правление Судей в Древнем Израиле, которое длилось в течение примерно 450 лет, представляет собой очень интересную форму организации власти. Государством, хотя и не вполне еще централизованным, правили народные вожди, называвшиеся судьями. Причем Сам Бог "давал им судей до пророка Самуила" (Деян. 13, 20), то есть их легитимация происходила мистическим образом. Судьи, как правило, обладали не только управленческими и полководческими талантами, но и пророческим даром (повседневные управленческие функции осуществлялись старейшинами). Таким образом, отсутствие разветвленного аппарата принуждения, моральный авторитет лидеров, личная свобода, основанная на обладании правами, базировавшимся на законах, переданных Богом через Моисея, – все это позволяет охарактеризовать подобную организацию власти как *самоуправление*. Конечно, такая модификация самоуправления весьма необычна, ибо государственный строй здесь удивительным образом сочетает в себе Небесное самодержавие с личной и гражданской свободой. Кстати, тогда более понятным становится ответ Господа Самуилу: "...не тебя они отвергли, но *отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними...*" Однако замечу: Бог "действует" не как обычный земной монарх, который лишь под угрозой насилия может отказаться от престола, а как отец из евангельской притчи, отпустивший блудного сына с его долей наследства, но не отрекшийся от него.

Итак, *мирный, реформационный, а не революционный характер смены государственного строя* обязан тому, что такая смена была результатом свободного выбора. И эта свобода гарантировалась самим устроением публичной жизни, которое, в свою очередь, было связано напрямую Божественному покровительству такого устройства. Но тут открывается трагическая и вместе с тем ставшая довольно привычной картина: народ, реализуя свою свободу выбора, избирает такой вариант решения, который фактически *закрывает перед ним возможность какого-либо нового выбора*. Причем народ добровольно лишает этого права не только себя, но и будущие поколения. И этот *отказ от права на выбор обуславливает неизбежность насильственного изменения в будущем*. В данном случае, избирая абсолютную монархию, причем понимая, что она несет фактически несправие, народ отказывается видеть перспективу.

С этим связан второй ключевой момент: в основе введения монархического правления лежит не просто ослабление веры, но и заимствование именно *языческого принципа построения государственности*. В Священном тексте, где нет случайных слов, несколько раз употреблено выражение *как у прочих народов*. И хотя в Древнем Израиле

ле, в отличие от "прочих народов", возведение монарха (первого царя – Саула) на престол впервые сопровождалось *помазанием на царство*, то есть он получил Божественную санкцию (и такая традиция спустя века будет продолжена уже в христианских монархиях), тем не менее из библейского сюжета вытекает *языческая подоплека идеи абсолютизма*. Дело тут не в том, что подобная форма правления была заимствована у язычников, а в том, что на царя фактически переносился "Божественный статус", присущий владыкам тогдашних соседних государств (Египта, Ассирии и др.).

Неожиданно для себя я нашел подтверждение взгляда о языческом происхождении монархической идеи у русского правового мыслителя Н. Алексеева. Неожиданность состоит в том, что он был одним из самых ярких адептов евразийства, отличающегося крайним этатизмом. И тем не менее считал абсолютизм антихристианским явлением.

Алексеев исходил из того, что все древние восточные монархии строились на культуре *царебожества*, отождествления царя с соответствующим языческим богом. Предпосылка этого мирозерцания, – говорил он, – аксиома, особенно ярко выделенная в религии ассиро-вавилонян, что все земное бытие соответствует бытию небесному. Соответственно, *земной царь является как бы копией Царя Небесного. Власть подобного монарха не может не быть абсолютной*. «Само собой разумеется, – заключает Алексеев, – подобный монарх не мог стоять к народу в каких-либо юридически оформленных отношениях. Царство не было должностью, но особым отношением, которое более всего характеризуетсся нравственными чертами. Древний монарх был "отцом" своих подданных, и известное словосочетание "царь-батюшка" вовсе не изобретено русскими. Оно характерно для всех восточных монархий и иногда прямо применялось древними народами: фараон именовался отцом своих подданных, а последние были его детьми. Подданные древнего монарха не ограничивали его власти, не обладали по отношению к нему какими-либо "правами". На них лежала только обязанность безусловного повиновения воле отца» [Алексеев, 2003, с. 49, 51–52].

Позднее идея царебожества, отмечал Алексеев, была занесена в греко-римский политический мир. И этой идее противостоит христианский взгляд *на монарха "как на связанную правом высшую должность"* [Алексеев, 2003, с. 57]. Впоследствии, когда христианство начало распространяться в античном мире, именно поэтому языческая идея царебожества вошла в конфликт с идеей Небесного Отца – единственного, кому надлежит воздавать славу и Божественные почести. И хотя этот конфликт имел более глубокую, мировоззренческую, основу, вовне он проявлялся в отказе первых христиан совершать обязательный для римских граждан обряд языческого поклонения "гению императора", означавший принесение присяги на верность самому императору.

Но вот что интересно (закономерно ли?): Спаситель и Его апостолы никогда не говорили о земных царях как о "наместниках Бога", а только призывали людей честно исполнять свои гражданские обязанности. Больше того, сама Спасительная Трагедия имела *внешней причиной* непонимание того, что Царство Христа не от мира сего.

"Итак, Иисуса, – говорится в одном толковании Евангелия, – хотели провозгласить царем, то есть Мессией. Он действительно Мессия, о Котором возвещали пророки. Почему же Он уклонился от этого? Почему не захотел, чтобы народ открыто теперь же (в данном случае, после насыщения пяти тысяч людей пятью хлебами. – М.К.) признал Его Мессией? Да потому, что *не только народ, но и ближайшие ученики Иисуса, даже апостолы, имели еще превратные понятия о Мессии*; все они воображали, что обещанный евреям избавитель-мессия будет царем земным, царем-завоевателем, и покорит евреям весь мир; никто еще не мог отрешиться от этих предрассудков, никто не допускал даже и мысли о том, что Царство Мессии может быть Царством не от мира сего. Поэтому, при таких понятиях народа о Царстве Мессии, провозглашение Иисуса царем было бы не чем иным, как открытым возмущением народа против власти римского императора... И этот отказ от предложенной царской власти в связи с подстрекательством первосвященников, книжников и фарисеев, произвел переворот в мнениях народа об Иисусе. Если Он не принял власти, не провозгласил Себя Царем Израилевым, значит, Он – не Мессия; так, несомненно, рассуждал народ, и ему больно

было признать свои мечтания несбывшимися, больно было спуститься с облаков всемирного царства еврейского на неприглядную землю, охраняемую мечами беспощадных римских воинов. Разочарование в человеке нередко влечет за собой страшное озлобление к нему" [Гладков, 2004, с. 385, 822].

Поэтому, если Сам воплотившийся в человеке Бог не собирался становиться земным правителем, царем или вождем, значит и земные цари или президенты не только не смеют претендовать на то, чтобы быть объектом культа, но и должны пресекать всякий намек, всякую попытку уподобить их Небесному Отцу. Тем не менее абсолютная земная власть, неся в себе антихристианский потенциал, то и дело подталкивала монархов к требованию поклонения им, нередко в откровенно языческих формах.

Алексеев удивлялся, что поклонение монархам продолжалось и в христианскую эпоху: "Константин Великий сохранил в своих титулах божественные предикаты своих предшественников, именуясь *dious, Numen meum* и т.п. Семья его продолжала именоваться *domus divina*, и все, что окружало ее, считалось священным... В Византии при христианских императорах продолжали бросаться на колени перед кесарем и целовать пурпур. Изображения христианских императоров продолжали быть священными и служить предметом особого почитания, что, впрочем, осуждалось восточными отцами церкви. Культ христианских императоров продолжался и после их смерти. Так, обожествлены были после смерти Констанций, Юлиан, Иовиан, Валентин I, Грациан и др. Божественные предикаты постепенно были усвоены официальным христианством, и многие императоры сохранили этот титул в христианской литературе почти до конца средних веков" [Алексеев, 2003, с. 59].

Это подтверждают и современные исследователи исторической символики и церемоний, отмечая, что коронация (в России – венчание на царство) уже где-то с XVI в. (в России с XVII в., то есть с Петра I) все более носила характер, аналогичный характеру легитимации военного лидера (как в языческом Риме), а не легитимации через библейское миропомазание: "Римский триумф отождествлял монарха с императором в исходном значении этого слова – с военным лидером-триумфатором. Король въезжал в город верхом, вооруженный, как завоеватель, в процессии, демонстрирующей его способность применить силу". Но главное, европейские монархи стремились укрепить свою легитимность возведением своего мнимого родоначалия от легендарных основателей Рима. "На такую родословную императоры Священной Римской империи претендовали со времен Карла Великого; теперь они стали необходимыми атрибутами абсолютной власти". Языческие (античные) мотивы постепенно вливались и в оформление жизни светских владык и знати, что было отнюдь не стремлением "проявить утонченность вкуса", а имело вполне определенное символическое значение. Этот процесс "возносил государей в иную сферу мироздания, где они проявляли высшие качества, дающие им право на власть. Вместе с тем эта сакральная аура отчасти переносилась и на окружение монарха" [Уортман, 2002, с. 32, 33, 19].

Конечно, справедливый и умный монарх способен принести огромную пользу стране, и история знает такие примеры. Но может ли это быть оправданием *системы*, не гарантирующей от прихода (обычно, более частого) правителей жестоких и дурных?..

Однако абсолютизм гораздо опаснее тем, что самодержец обладает огромным *влиянием на духовную жизнь народа*. А поскольку нравственное состояние очередного монарха, к сожалению, мало обуславливается фактом его помазания на царство, постольку он может нанести непоправимый вред всей государственности. Не случайно в России раньше даже бытовала максима: "Народ согрешит – царь отмолит. Царь согрешит – никто не отмолит". Тем не менее именно монархии, причем в ее абсолютистской в форме, Церковь отдает предпочтение перед демократией. Объяснение этому дается в Основах социальной концепции РПЦ: "*Современные демократии*, в том числе монархические по форме, *не ищут божественной санкции власти*. Они представляют из себя *форму власти в секулярном обществе*, предполагающую право каждого дееспособного гражданина на волеизъявление посредством выборов".

Возможно, одной из причин, скажем мягко, "напряженного" отношения Церкви к тому, что принято именовать демократией, связано именно с формированием секулярного общества. А секуляризм (не надо его путать со светским характером государства) несет с собой моральный релятивизм, который, в свою очередь, грозит уничтожить ценность естественного права. Эта проблема действительно острая и заслуживает специального исследования. Здесь скажу лишь следующее. Толерантность и плюрализм – черты современного понимания демократического строя. Однако их *абсолютизация* подрывает основу самого демократического общества. И прежде всего потому, что здоровый моральный дух инстинктивно начинает искать защиту в авторитаризме. Эти тенденции нарастают не только в переходных обществах, но и в государствах, считающихся традиционными демократиями. Однако сама демократия, будучи лишь инструментом для обеспечения достоинства личности, для правового государства не является причиной морального релятивизма. Такая причина – возведенный в ранг официальной доктрины отказ стран, образующих евроатлантическую цивилизацию, от своих христианских корней. История споров вокруг текста Конституции Европейского союза – упоминать или нет о христианских корнях современной Европы – ярко демонстрирует это. Другими словами, демократия имеет возможность обусловить пользование правами и свободами человека четкими правовыми рамками, имплицитно содержащими христианские понятия о пороке и добродетели.

Людские пороки и в свободном, и в авторитарном обществах одни и те же. Однако в условиях гражданской свободы они обнажаются, тогда как авторитарное правление, тем более с тоталитарным характером, их всячески затушевывает и фактически загоняет внутрь. В конце концов, само Священное Писание свидетельствует о том, что абсолютная монархия сама по себе не есть религиозно (и нравственно) более высокая форма государственности. В гл. 14 Книги Бытия повествуется о *царях* Содомских и Гоморрских. Но мы знаем, что Бог поразил оба эти города за нечестивую жизнь их граждан. И когда праотец Авраам просил Господа пощадить эти города ради нескольких праведников, таковых там просто не оказалось (Быт. 18, 23–33).

Не будите в правителе "отцовские чувства"

Итак, согласно гипотезе, *институт главы государства – только внешне есть результат исторической инерции, но в глубинном смысле он, как и абсолютная монархия, воплощает неосознанное реципирование идеи "отцовства"*. *Истоком же последней является идея Небесного Отца*, которая в силу непостижимого для нас процесса энтропии, выражающегося в ослаблении, а затем и потере веры, приведшей к секуляризации жизни (Спаситель однажды с грустью заметил: "Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?" – Лк. 18, 8), *десублимировалась*³ *в "отцовство" земных правителей*.

Кому-то методологическая база подобной гипотезы может показаться "антинаучной". Спорить о "научности" материалистической и идеалистической (рационалистической и мистической) методологии нужно отдельно, хотя, повторю, такой спор вряд ли имеет смысл. Ограничусь поэтому ремаркой одного исследователя, правда, в другой области – литературоведении: "Рационализм отрицает мистическую сущность Священной истории; атеизм – историчность Священного Писания" [Поздняева, 2007, с. 278]. Но даже если отбросить спор о методологии, то я согласен, что этой гипотезе можно противопоставить простое наблюдение: во многих современных странах отнюдь не наблюдается патриархального отношения к главе государства. Однако феномен "спокойного", "функционального" восприятия вовсе не противоречит высказанному здесь взгляду на глубинную природу последнего.

³ При сублимации происходит переключение энергии или целей с более низких, низменных на более высокие, возвышенные. *Десублимации* присущ обратный процесс. Поэтому здесь употреблен именно этот термин.

Сам факт того, что *институт главы государства не был отброшен* современной цивилизацией несмотря на радикальное изменение принципов власти, свидетельствует о существовании фундаментальной, онтологической потребности организованного общества в институте "социального отца", без которого государственная организация ощущается как незавершенная. И если "отцовство" главы государства в некоторых странах "дремлет", оно не лишается "отцовской" природы. Попытки исследователей, за единичными исключениями, оправдать естественность главы государства в современной системе власти, найти для него рациональные основания, которые мало убеждают, – лишь своеобразное проявление позитивистского подхода. Такие попытки вторичны, ибо базируются только на факте конституционного закрепления или фактического существования института главы государства в большинстве стран.

Институт главы государства *действительно имманентен* любой государственно-сти. Но не потому, что без него невозможно обойтись в "технологическом смысле", а потому, что *такова социальная потребность*. И она, как всякая другая потребность, будучи неудовлетворенной, неизменно вызывала бы в обществе ощущение ущербы и в конце концов привела бы к самым диким формам реализации такой потребности.

Установление безоппонентного, моноцентрического режима в государствах с формально существующими демократическими институтами позволяет главам соответствующих государств прямо или косвенно (неявно) утверждать идею своего "национального отцовства", даже если она облекается в термины типа "национального лидерства". Однако в наши дни такое "отцовство" в реальности, как правило (здесь играют роль и степень жесткости режима, и культурные особенности общества), не становится общенациональным и разделяет страну на непримиримые лагеря. Во всяком случае, "отеческий" режим постоянно таит в себе угрозу государственной нестабильности. Поэтому в большинстве посттрадиционных государств каждые президентские выборы либо оказываются формальными, поскольку их исход предрешен, либо вызывают противостояние, видимый или скрытый раскол в обществе⁴.

Понятно, что при выходе из многолетнего состояния несвободы, когда правовые ценности не стали неотъемлемой частью массового сознания, когда еще сильны патерналистские представления, когда душевой доход еще низок⁵, само такое общество не в состоянии быть гарантом демократических ценностей. Равным образом не может быть таким гарантом и элита, которая, как правило, недалеко от общего уровня массового сознания, а потому руководствуется в большей степени теми представлениями о жизни, которые она усвоила за период, предшествовавший установлению формально демократических институтов. И тогда эти институты действительно превращаются в имитационные, а политическая и гражданская практика не побуждает к укоренению новых ценностей, скорее, приводит к их размыванию.

Правильным образом организованные институты публичной власти предполагают, что статус и основное предназначение главы государства должны не продуцировать, а нейтрализовать сохраняющиеся в обществе стереотипные взгляды на власть (например, вульгарный мажоритаризм). Однако представления современной теории

⁴ В исследовании Фонда Бертельсмана (ФРГ), проводимом с 2003 г. с целью определения индекса ВТИ (Bertelsmann Transformation Index), были изучены политические и экономические трансформации в 125 государствах, которые официально считаются демократическими. Выяснилось, что только 23 из исследованных демократий не имеют существенных недостатков. 41 государство было названо "дефектными демократиями", 10 из них – "существенно дефектными". В комментарии к этому исследованию говорится, что хотя официально все эти страны "еще отвечают минимальным демократическим стандартам, но на практике в них были выявлены значительные отклонения от принципов правового государства, например препятствование деятельности оппозиции и манипуляции выборами" [Holstein, 2008].

⁵ Так, по подсчетам ряда политологов, предполагаемый период выживания демократии в стране с душевым доходом ниже 1 тыс. долл. США (исходя из покупательной способности доллара в 1985 г.) составляет 8 лет; с доходом от 1 до 2 тыс. долл. – 18 лет, свыше 6 тыс. долл. – демократия будет устойчивой [Пшевский, 2006, с. 13].

об институте главы государства не только не способствуют, а скорее, препятствуют преодолению авторитарных начал, коренящихся в этом институте.

Конечно, идеальным был бы путь возвращения к изначальной идее Небесного отцовства, что означало бы отнюдь не установление теократии, а организацию государственности на началах, более близких к самоуправлению. Но такая идея, во всяком случае в современную эпоху, кажется утопичной. Поэтому паллиативный способ недопущения трансформации главы государства в "отца нации" – *переосмысление места и основного предназначения этого института в системе государственной власти.*

Вести или охранять?

Как ни удивительно, но конституционная практика в отношении главы государства пошла дальше теории. В некоторых конституционных формулах, описывающих основное предназначение главы государства, помимо символической и представительской его ролей либо даже вместо них, закрепляются роли *арбитра или гаранта*. Однако я бы не спешил на этом основании утверждать, что именно такова главная черта президентской власти в полупрезидентской республике.

Изначально слово "*арбитр*" имело содержание, близкое к слову "судья", но одновременно подразумевало еще и функцию посредничества. Однако в рассматриваемом контексте политический арбитраж – это не только возможность ("когда попросят"), но и *обязанность* главы государства вмешаться в коллизию между разными институтами власти, а также в случае явного выхода какого-либо государственного института за границы конституции (тут значение арбитра близко к значению гаранта) применить свои верховные полномочия. В последнем случае имеет значение *уже не моральный* авторитет, хотя он не отрицается и даже весьма полезен, а авторитет *должности*, который питается не только конституционно закрепленной ролью главы государства, но и его соответствующими полномочиями. Не случайно, как правило, именно глава государства является верховным главнокомандующим вооруженными силами. Но главное – сам арбитр не может быть стороной конфликта, а потому такая функция не должна быть соединена с функциями по текущему управлению страной.

Близка к такому значению и характеристика главы государства как *гаранта* конституции. Если под гарантией обычно понимается документ, который подтверждает, обеспечивает сохранение условий договора, то под словом "гарант" подразумевается лицо или орган, само существование которого – благодаря его физическим, моральным или юридическим свойствам – означает невозможность произвольного изменения существующего порядка вещей или порядка, о котором стороны договорились и поручили гарантировать его стабильность третьей стороне. Следовательно, гарант конституции – институт, означающий незыблемость "общественного договора", содержание которого и закрепляется конституцией.

Это и есть, на мой взгляд, магистральный путь трансформации института главы государства *в институт главного хранителя конституционного строя*. В ряде стран глава государства официально или фактически считается таким хранителем. Закономерно, что даже те главы государств, которые, как принято считать, "царствуют, но не правят", обладают охранительной функцией. Широко известен пример, когда в постфранкистской Испании король Хуан Карлос сыграл едва ли не решающую роль в ограждении молодой демократии от попытки реванша. Или примечательное суждение о британской Короне. Оно идеологически окрашено, поскольку было сделано еще в советское время, когда монархию (тем более в "буржуазных" странах) следовало оценивать только отрицательно. Но как раз поэтому данное суждение ценно, так как автор не стремился оправдать существование монархии: "Негативные последствия сохранения монархии достаточно очевидны и признаются некоторыми английскими авторами (прямое вторжение в политическую жизнь при выборе премьер-министра, когда в Палате общин отсутствует большинство мандатов у какой-либо партии; косвенное воздействие монархии как олицетворение консервативности, от-

сутствия прогресса, нежелания менять многовековые традиции и др.)... Однако выгоды от сохранения монархии для правящего буржуазного класса оказались большими, чем последствия ее недостатков. Этот институт является идеологическим орудием воздействия на население. Его политическая цель также очевидна. При социальных потрясениях в стране вполне возможно применение королевских прерогатив. Иначе говоря, монархия сохраняется как резервная сила в руках господствующего класса" [Маклаков, 1982, с. 55].

Сказанное, разумеется, не означает, что иные публично-властные институты не должны защищать конституционные принципы. Должны. Однако их основная деятельность связана все-таки с достижением иных целей, диктуемых самим их институциональным положением (так, парламентарии приходят в законодательный орган для проведения определенных партийных интересов, выражаемых прежде всего в законах; руководители органов исполнительной власти отвечают за эффективное управление; судьи понимают, что для них самое важное – осуществление правосудия, и т.д.). И только для главы государства обеспечение стабильности государства и охрана, защита конституционных принципов должны составлять смысл его существования.

Но что значит охранять? На мой взгляд, здесь довольно иллюстративна ст. 16 французской конституции, которая гласит: "Когда институты Республики, независимость нации, целостность ее территории оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных публичных органов прекращено, Президент Республики принимает меры, которые диктуются этими обстоятельствами, после официальной консультации с Премьер-министром, председателями палат, а также Конституционным советом". Подобная функция (задача, роль) может показаться едва ли не легальным способом установления личной диктатуры. Не случайно в науке давно дискутируется вопрос о так называемых *скрытых полномочиях*, тех, о которых конституция прямо не говорит, но которые вытекают из общего конституционного упоминания о роли главы государства как арбитра и гаранта суверенитета и конституционного порядка. Действительно, в теории "скрытых полномочий" можно увидеть опасность произвольного использования президентских прерогатив. Но эта опасность реальна именно там, где нет сбалансированной системы сдержек и противовесов, нет подлинной правовой подконтрольности деятельности главы государства.

Итак, основная особенность главы государства, вне зависимости от того, в какой модели демократической организации власти он функционирует, – его предназначение интегратора государственной власти, хранителя суверенитета страны и конституционного строя. Такое предназначение вовсе не означает институциональной слабости главы государства. Наоборот, данная роль требует довольно действенных юридических и даже силовых рычагов, которые способны, с одной стороны, выводить из возможных политических и правовых тупиков, а с другой, – оградить систему конституционализма от ее разрушения, поскольку одним из слабых мест этой системы является теоретическая (а кое-где и реальная) вероятность легального овладения государственной властью противниками самой этой системы.

Казалось бы, вот она – искомая сущность главы государства. Причем сущность, которая логически и практически вполне уживается с его ролями символа или высшего представителя данного государства, другое дело, что не они описывают сущность главы государства. Однако здесь мы сталкиваемся с принципиальным противоречием, которое как раз и предопределяет сохранение патриархального отношения к главе государства. Если глава государства – это институт, охраняющий государственность, гарантирующий конституционный строй, то *почему ему придаются мощные властные прерогативы в области текущей политики?* Другими словами, противоречивость института главы государства прежде всего (но не только) в полупрезидентской модели состоит в том, что его властные прерогативы либо снижают, либо вообще подавляют не менее объединительный потенциал парламентаризма.

В России сама Конституция содержит фактически "приглашение" к подавлению такого потенциала. Я посвятил анализу этого механизма отдельную работу [Краснов,

2006], поэтому здесь упомяну лишь наиболее очевидные конституционные "странности". Прежде всего Президент РФ, согласно ч. 3 ст. 80, определяет основные направления внутренней и внешней политики. Ясно, что такая функция в корне противоречит принципу разделения властей и принципу народного суверенитета. Ведь в таком случае теряют свой политический смысл парламентские выборы (выборы в Государственную думу); все иные органы власти становятся лишь инструментами в руках Президента, обязанные осуществлять определенную им политику. Именно в таком ключе истолковал данную президентскую прерогативу Конституционный суд РФ в своем Постановлении от 29 ноября 2006 г.: об "*обязательности для всех органов публичной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства*".

Вторая "странность" состоит в совершенной неподконтрольности Правительства РФ Государственной думе и, напротив, полной подчиненности его Президенту. А ведь полупрезидентская модель так и названа потому, что в ее рамках кабинет министров является как бы "слугой двух господ" – парламента и главы государства. Где-то влияние президента на правительство может быть более заметным (в той же Франции), где-то – менее (например, в Польше, Словении и др.), но в сбалансированной системе нет такого положения, чтобы правительство находилось в исключительном подчинении главе государства. У нас (а также во многих постсоветских республиках) такое подчинение обеспечивается разными конституционными способами – начиная с права президента назначить любого, удобного только ему председателя правительства (при трехкратном несогласии Думы с этим она попросту должна быть распущена) и кончая абсолютным правом президента отправить правительство в отставку.

И вот, на этом фоне полного политического доминирования, степень которого только сам Президент РФ при желании может несколько снизить, он официально обязывается быть еще и гарантом Конституции, а также политическим арбитром, в частности обладая функцией обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти. Не надо иметь широкие познания в психологии, чтобы понять: обе названные роли – политического игрока и хранителя основных конституционных правил – даже мотивационно войдут в противоречие. В результате, скорее всего (во всяком случае, именно так у нас и происходит), ущерб терпит охранительная роль (не в том смысле, что она не выполняется, а в том, что реализуется в угоду партийному кредо главы государства).

Итак, бессмысленно и даже опасно для самой государственности говорить о выполнении главой государства роли арбитра и гаранта, если такой глава не будет политически подлинно нейтральным. В то же время возникает еще один вопрос, без ответа на который невозможно завершить анализ природы главы государства. Как быть с ролью хранителя конституционной государственности в парламентской и президентской моделях?

С парламентской моделью тут относительно просто. В ее рамках глава государства и без того не отягощен (или почти не отягощен) партийностью, даже если президент – выдвиженец определенной партии. Правда, в этой модели глава государства в рутинном режиме обычно играет очень скромную, почти незаметную роль. Поэтому перспективным направлением развития института главы государства в данной модели видится придание ему более весомых и реальных, прежде всего кадровых, рычагов, позволяющих осуществлять охранительную (арбитражную и гарантирующую) функцию. В таком случае можно прогнозировать даже некий процесс конвергенции: парламентская модель будет дрейфовать в сторону полупрезидентской, а последняя при соответствующей институализации главы государства – в сторону парламентской.

Сложнее обстоит дело с президентской республикой, где президент является главой исполнительной власти. Такая республика не случайно иногда именуется классической моделью разделения властей. Последнее неудивительно, так как именно президентская система власти исторически наиболее близка к первоначальной конструкции разделения властей (просто монарх в ней был заменен на избираемого президента). Надо сказать, в этой системе также не отвергается роль президента –

хранителя конституционного строя. Так, в присяге Президента США говорится фактически о двух его главных обещаниях – честно выполнять президентские обязанности и "охранять, защищать и поддерживать Конституцию Соединенных Штатов" (раздел 1 ст. II). Кроме этого, зачатки арбитражной и гарантирующей функции видны в таких президентских полномочиях, как определение времени начала сессий каждой из палат конгресса в случае разногласий последних по поводу времени отсрочки сессий; обеспечение точного соблюдения законов и определение полномочий всех должностных лиц США (раздел 3 ст. II). Но все же главной задачей американского президента остается текущее управление. Поэтому он фактически тождествен премьер-министру в парламентской модели, хотя обладает гораздо более существенными властными рычагами. Во всяком случае, ему не грозит отставка в связи с вотумом недоверия.

Таким образом, президентская модель, казалось бы, встает преградой на пути к выработке универсального определения главы государства, которое, по моему мнению, могло бы быть сформулировано следующим образом: **глава государства – институт, представляющий государство и предназначенный в рамках системы сдержек и противовесов для охраны и защиты государственного суверенитета и конституционного строя.**

Однако данная преграда мнимая. Предложенная дефиниция, не отказываясь от представительской функции главы государства, делает акцент на его охранительной роли. Разумеется, эта наиболее важная роль главы государства имеет существенные модификации в зависимости от того, какая модель власти установлена в том или ином государстве. Но охранительная роль не исчезает, как не исчезает роль высшего представительства, какая бы система власти ни была установлена в данном государстве. Другое дело, что смена акцента позволяет привлечь внимание общества именно к охранительной – арбитражной и гарантирующей – роли главы государства. И хотя целесообразно, чтобы глава государства был дистанцирован от ответственности за текущее государственное управление, тем не менее даже при сохранении такой ответственности (и соответствующих полномочий) общество должно понимать, что **глава государства, особенно выборный, существует, в первую очередь, не как властитель, а как хранитель основных конституционных ценностей и самой государственности.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Н.Н.* Христианство и идея монархии // Русский народ и государство. М., 2003.
- Антоний, митрополит Сурожский.* Труды. М., 2002.
- Гладков Б.И.* Толкование Евангелия. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004 (печ. по изданию: *Гладков Б.И.* Толкование Евангелия. СПб., 1913).
- Краснов М.А.* Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М., 2006.
- Маклаков В.В.* Конституция Великобритании (вступительная статья) // Конституции буржуазных государств. М., 1982.
- Поздняева Т.* Воланд и Маргарита. СПб., 2007.
- Православно-догматическое богословие Д.Б. Макария, Архиепископа Харьковского. Т. 1. СПб., 1868.
- Пишевский А.* Защита минималистской концепции демократии // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М., 2006.
- Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии // Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 8. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.
- Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого "Я" // Психология масс. Хрестоматия. Самара, 1998.
- Holstein M.* Immer mehr Länder haben "defekte Demokratien" // Die Welt. 2008. Februar 17.
- Rotter J.B.* Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement // Psychological Monograph. 1960. Vol. 80(1).